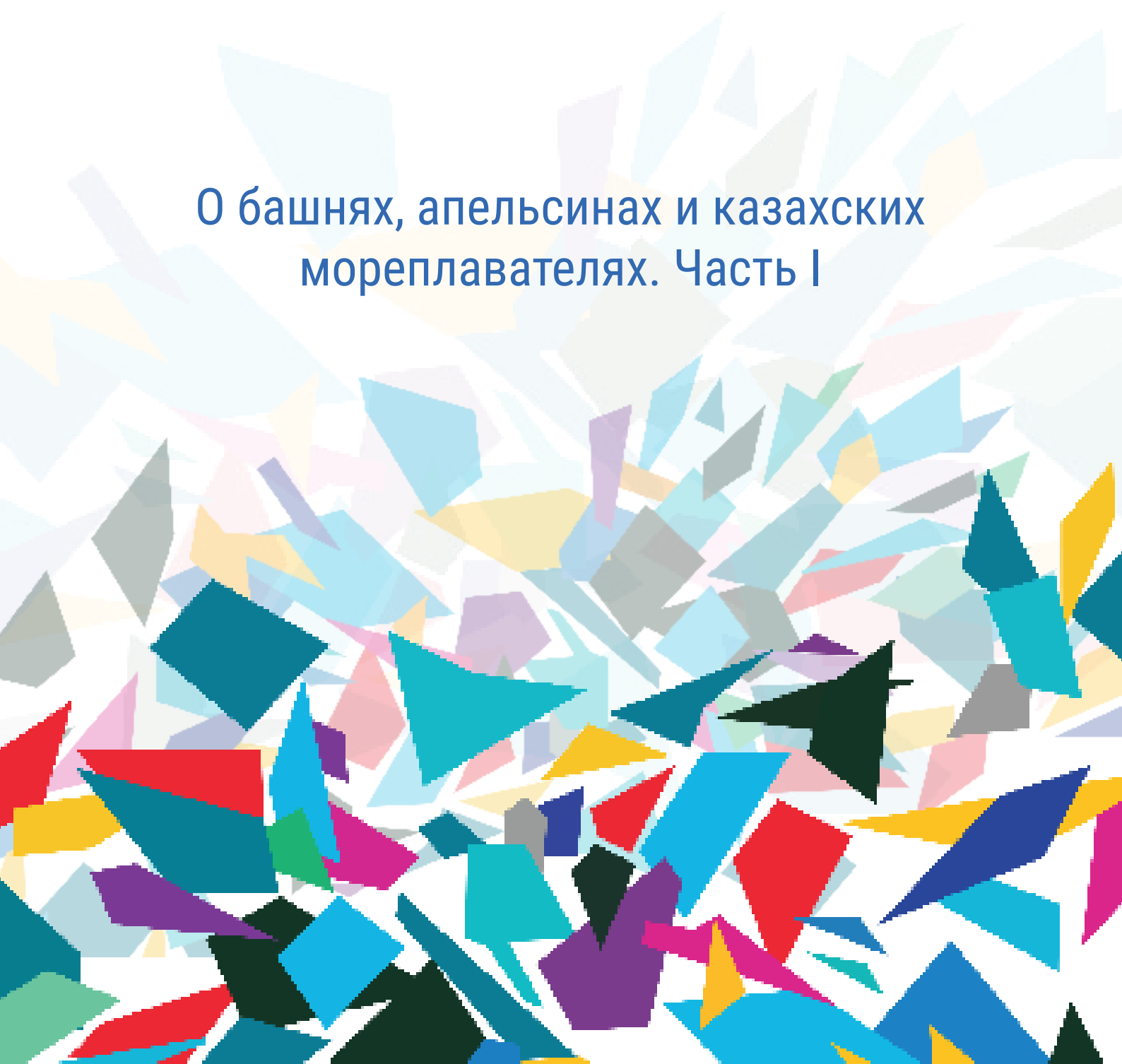

ЯЗЫК КАК ИНСТИНКТ

О башнях, апельсинах и казахских
мореплавателях. Часть I

Согласитесь, что на ум сразу же приходит знаменитая библейская легенда в Вавилонской башне и смешении языков, как божьем наказании за гордыню. Пинкер также отметил это и даже посвятил Вавилонской башне целую одноименную главу своей книги, начиная ее с цитаты из Ветхого Завета.

Итак, Книга Бытия, глава 11, стих 1,9: «На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с Востока, они нашли в земле Сенаар равнину и поселились там. И сказали друг другу: «Наделаем кирпичей и обожжем огнем». И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: «Построим себе город и башню высоту до небес и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которую строили сыны человеческие. И сказал Господь: «Вот один народ и один у всех язык и вот, что начали они делать и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же и смешаем там язык их так, чтобы один не понимал речи другого». И рассеял их Господь оттуда по всей земле, и они перестали строить город. Посему дано имя ему Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли и оттуда рассеял их Господь по всей земле».

Конечно же, это древний и очень устойчивый миф, который тысячелетиями определял понимание всех народов о языковом различии и даже частично объяснял некую ностальгию по эфемерному и когда-то утраченному общему языку.

Интересно, что это стремление людей говорить на едином языке то вспыхивает, то угасает в процессе эволюции. Однако последние 250 – 300 лет этой легенде придали отчасти негативный смысл, пытаясь оправдать ею французскую, российскую, английскую, испанскую или голландскую экспансии. Именно войны за территории, которые шли практически без перерыва, начиная с XVII века, захватили XVIII и XIX века, и даже всю первую половину XX века, были оправданы прогрессивными белыми людьми одним-единственным словом «цивилизация», насаждение которой они и несли по миру.

Такой подход получил название «евроцентрический», как в культуре, так и в политическом мышлении. Тезис у евроцентрического подхода прост: «когда-то был единый язык, а люди – сплоченными, теперь же пришла пора вновь объединить весь мир под единым знаменателем». Такие идеи были и у империалистов, и у глобалистов (в различных формах).

Конечно же, это тема для непрекращающихся дискуссий, у которой всегда есть как сторонники, так и противники. И здесь Пинкер выступает в роли не обычного психолингвиста, а специалиста в области универсальной грамматики. В своей книге он выходит на иной публицистический уровень. Он очень умело и тонко затрагивает вопросы политологии, что делает книгу (и наш курс, соответственно) интересной для очень широкого круга читателей.

Но вернемся к теме нашей лекции – единому языку. Здесь очень много вопросов, и главный из них: существовал ли когда-нибудь тот самый единый протоязык, на котором на заре времени говорило все человечество? И стали ли остальные языки лишь различными вариациями какого-то изначального языка? Может быть, мировые языки появились не одновременно и не в одном месте, а самостоятельно, в разных уголках земли и очагах цивилизации как следствие развития человечества?

На эти серьезные вопросы как раз и пытается дать ответы Пинкер. К слову сказать, Пинкер – безусловный сторонник того, что существовал (или существует до сих пор) единый общечеловеческий язык. В поддержку своей теории он приводит цитату Ноама Хомского о том, что «марсианин, спустившейся на землю и познакомившийся с разными народами, пришел бы к выводу, что все люди говорят на одном языке». Однако здесь возникает иной вопрос: на основании чего Хомский сделал столь серьезное заявление?

Дело в том, что основа у многих языков, действительно, единая (что мы и рассмотрим в первой части нашей лекции). А в 1957 году лингвист Джозеф Гринберг провел весьма интересное исследование. Он изучил 30 языков с 5 континентов с целью выяснить какие-то интересные особенности и сходства в рамках сравнительной грамматики. В итоге ему удалось обнаружить не менее 45 универсалий и общих строений грамматических структур у совершенно независимых друг от друга языков.

А Пинкер (вслед за Хомским) проанализировал, как часто встречаются те или иные универсалии и выдвинул идею об едином источнике, или едином языковом инстинкте.

Так о каких универсалиях идет речь? Прежде всего, это синтаксические группы и структуры.

Хомский в одном из своих трудов в 1957 году выдвинул и сформулировал эту языковую теорию, согласно которой существуют именные, номинативные группы, в центре которых стоит, как правило, существительное. Есть глагольные группы, вербальные группы. И вспомогательные группы... И первой универсалией, по мнению Хомского, стал порядок этих групп, который един для самых разных языков мира, хотя и с некоторыми локальными отличиями, сформировавшимися в процессе эволюции языков. Это хорошо видно на примере японского, русского или английского языков. Какие-то универсалии становятся определяющими в одних языках и не очень значимыми – в других.

Еще одна общая универсалия – универсалия формирования вопросительных предложений. Однако здесь также большое количество всевозможных комбинаций и вариаций, которые зависят от того, каким образом строится и задается вопрос в каждом конкретном языке. Этот момент очень хорошо иллюстрирует старый анекдот: «Урок русского языка в одной из кавказских школ».

- Дети, составьте повествовательное предложение.
- «Дети пошли в лес».
- А теперь составьте вопросительное предложение.
- «Дети пошли в лес, да?»

Вот это создание вопросительного предложения и есть определенная универсалия языка. Бывает, что вопросительные предложения строятся в обратном порядке, как, к примеру, во французском языке.

И таких универсалий около сотни. Именно их обнаружил и проанализировал Пинкер, а вы можете все это прочесть в его книге. Но если списки универсалий показывают, что в языках невозможны свободные вариации, подразумевает ли это, что на языки накладывает определенное ограничение структура мышления? Или зависимость не такая явная?

Пинкер также был озадачен этой проблемой и даже нашел ей как минимум два объяснения.

1. Язык возник лишь однажды, и все существующие языки являются потомками этого протоязыка, сохраняя некоторые его черты. А универсальная взаимозависимость – это факт, который присущ всем языкам на планете. С течением времени язык лишь меняет порядок слов, структуру грамматики и флективных окончаний. То есть, эволюционирует. Это можно увидеть на примере любого из существующих ныне языков. Например, английский язык. Его история довольно хорошо зафиксирована. Еще в XVII веке в этом языке существовали падежные окончания, теперь же их нет, потому что от них просто-напросто отказались.

Этими фактами Пинкер подтверждает свой тезис о том, что единый протоязык в мире существовал. Но в ходе эволюции были существенно изменены структуры и универсалии, отсюда возникла некая непохожесть языков друг на друга. Во многих языковых семьях, если верить Пинкеру, присутствует почти полный диапазон имеющейся в мире вариативности, наблюдаемой в тех или иных аспектах грамматики. Отсутствие строгой корреляции между грамматическими свойствами языков и их положением на генеалогическом древе языков предполагает, что языковые универсалии – это те свойства, которым удалось сохраниться со времен гипотетической прама матери всех языков.

2. Языки отражают универсальность мысли или обработки ментальной информации, у которой нет связанных с языком особенностей. То есть, языки похожи друг на друга только потому, что мышление человека, где бы он ни находился и как бы он ни развивался, имеет общие корни. Это тот самый мостик от грамматики и лингвистики к политологии и истории культур, а оттуда уже – к вопросам политического устройства и политической карты мира. Однако как заметил Гринберг, если в языке есть диверсионные суффиксы, с помощью которых создаются новые слова из старых, и формообразующие суффиксы для согласования слов, то диверсионные суффиксы всегда стоят ближе к основе, чем суффиксы формообразующие. И это никак не согласуется с теорией Дарвина, на которую фундаментально опираются и Хомский, и Пинкер.

Трудно представить себе, каким образом этот закон может следовать из какого бы то ни было универсального принципа мысли или памяти. И почему понятие двух идеологий, основанных на одном Дарвине, допустимо, а понятие одной идеологии, основанной на двух Дарвинах, нет?

Стивен Пинкер вроде бы и подтверждает тезисы своего учителя, ту самую принципиальную позицию Хомского о том, что с точки зрения марсиан все земляне разговаривают на одном языке. Его подтверждение основано на том открытии, что в основе всех языков мира без исключения лежит одинаковый механизм обработки символов. И лингвистам давно известно, что основные черты строения языков встречаются везде и повсеместно. Говорит ли это о том, что когда-то язык появился в одном-единственном месте?

Это очень интересная тема. А закончить все рассуждения можно, сказав, что Стивен Пинкер сам отмечает свое второе объяснение о том, что языки различны, потому что образ мысли людей различен. Потому что существование единого грамматического кода объясняет универсальную сущность инстинкта, который присущ человеку как биологическому виду. Он говорит о том, что языки имеют универсальную грамматику, структура которой встречается практически во всех языках, но в разных вариантах, основанных на едином коде. Иначе все выглядит лишь в искусственных языках – компьютерных или даже в языке для нотной записи, к примеру. Здесь невозможно найти этих универсальных закономерностей. Поэтому универсальную грамматику нельзя просто свести к познавательной деятельности человека, либо к истории культуры.

Примерно также предполагал и Ноам Хомский, а к его мнению прислушивался и Пинкер, и другие ученые-лингвисты. Я думаю, и нам будет уместно последовать этим же путем и попытаться выяснить, какие выводы можно сделать из всего этого для нашей, казахстанской действительности.